

Н.Н. ГАРУНОВА
(Махачкала)

К ВОПРОСУ О ДАТЕ ОСНОВАНИЯ КРЕПОСТИ КИЗЛЯР В XVIII в.

На основе новых архивных данных рассматривается история возникновения крепости Кизляр в XVIII в., анализируются факты, позволяющие сделать предположение, что местом для строительства крепости генерал В.Я. Левашов выбрал урочище, где ранее существовала старая крепость. Приводятся версии о том, кем были первые жители старого Кизляра. Уделено внимание происхождению названия «Кизляр», относительно которого существует множество разных версий, преданий и легенд.

Ключевые слова: *крепость, Левашов, Кизляр, река, казаки, перевоз, городок.*

Кизляр – старейший город Северного Кавказа. Официальная дата, согласно которой местные власти празднуют современные юбилеи, устанавливают памятники, – это 1735 г., когда генерал В.Я. Левашов выбрал место для строительства крепости. Наряду с этим, однако, существует неофициальная версия, что как населенный пункт Кизляр существовал гораздо раньше. Но когда точно (или приблизительно) образовалось это поселение и что оно собою представляло, до сих пор остается невыясненным.

Необходимость вновь обратиться к вопросу, который длительное время остается спорным, вызвана тем, что нами были найдены очень интересные документы в архивах страны, указывающие на наличие крепости еще до даты ее основания Левашовым (1735 г.). Например, в списке комендантов Кизлярской крепости указывается, что в 1728 г. (!) комендантом крепости был полковник Дмитрий Ледерер. Имеются также «Копии указов, ордера об определении на военную службу дворянских детей; амуниции унтер-офицеров Кизлярской крепости 1732 г.» (!), «Ордера генерал-лейтенанта В.Я. Левашова полковнику Языкову в Кескер о торговле, провозе провианта, разрешения проезда в Кизляр 30 марта, 23 декабря 1729 г.» (!) [4, с. 61].

Прежде чем объяснять столь явное историческое несоответствие, следует сделать краткий экскурс в историю возникновения крепости. Принято считать, что первое упоминание о Кизляре в русской истории относится к 1614–1617 гг. и содержится в «отписке» терского воеводы Василия Хохлова в «Актах исторических». Однако, как доказал краевед Д.С. Васильев, «это ошибочное мнение вошло в обиход с легкой руки автора статьи, опубликованной сначала в сборнике “Кавказ” за 1846 год, а затем повторенной в “Кавказском календаре” на 1848 год». Слово *Кизляр* в «Актах» упоминается дважды как наименование реки [16. Д. 10. Л. 1].

Река Кизляр (Кизлар) упоминалась в источниках предположительно в связи с тем, что при выходе ее из Терека (самый северный рукав Терека, ныне р. Таловка) существовал в XVII в. государев «Кизлярский перевоз» или «Кизлярский караул». Здесь постоянно находился караул из терских стрельцов для взимания «государевой перевозной и таможенной пошлины» [14, с. 118–124].

Краевед Д.С. Васильев сомневается в существовании здесь в те времена населенного пункта, ссылаясь на отсутствие письменных источников. На наш взгляд, версия о существовании его имеет право на жизнь – хотя бы только потому, что Кизлярский перевоз, как известно, играл важную роль в транзитных передвижениях по Кавказу и в страны Востока. Имеются сведения и о том, что здесь феодальные владельцы Северо-Восточного Кавказа давали клятву на Коране, т. е. приносили присягу на верность Русскому государству, содержались здесь и аманаты – заложники от кавказских феодалов [Там же, с. 143].

О существовании Кизляра до 1735 г. свидетельствуют многие косвенные данные: устные предания, многочисленные легенды и т. д. [18, с. 161]. Так, по сведениям Б.И. Путилова, существует кумыкская народная песня из 22 куплетов, в которой в поэтической форме изложены многие моменты истории старого Кизляра до 1735 г. Кизляр упоминается и в некоторых исторических песнях терских казаков, относимых исследователями к более раннему времени [11, с. 29].

Самое первое упоминание слова *Кизляр* (в некоторых списках *Кызылйар*) встречается в тексте Петербургского списка «Дербентнаме». Этот список издан в 1851 г. М.А. Казембеком в Санкт-Петербурге. В тексте списка, в эпизоде, относящемся к 683–684 гг. н.э., говорится об одном из предводителей хазар Пашенске, который после поражения в битве с мусульманами ушел «в крепость Сурхаб, которая в настоящее время известна как Кызылйар, а правитель ее Мухсаб». В примечаниях к переводу Казембек указывает: «...крепость Сурхаб разрушена, на ее месте построен Кизляр» [2, с. 61].

По мнению других авторов, Кизляр расположен на месте ранней столицы Хазарского каганата Семендер [5, с. 43]. Предполагается также, что на этом месте существовала «кумыкская деревня» под названием Кизляр [18, с. 161]. Однако точных исторических данных нет, и вопрос о населенном пункте, существовавшем в древности на месте нынешнего Кизляра, не нашел пока удовлетворительного решения [11, с. 237].

К этому можно добавить приведенное Белокуровым донесение «О побеге Окоцкого Мурзы Батай из Терского города» (1609 г.), где сообщается: «...А в расспросе мне, холопу твоему, и всему миру Терского города сказали: отгромили де они у того беглово у Батай Мурзы да у Саламака жены их и служащих женок и двух мужиков и рухлядь на дороге в двух местах на Заплавном острове да за Кизларом в Талах; а сам де он Батай Мурза с товарищи своими ушел...» [3, с. 525].

Единственным известным на сегодняшний день археологическим памятником, расположенным вблизи от Кизляра, является так называемое Некрасовское городище. В отчете о проделанной работе известного дагестанского археолога М.Г. Магомедова говорится: «Раскопки, проведенные на территории городища, выявили остатки его мощных оборонительных стен, возведенных из сырцового кирпича. Под ним выявлены культурные отложения 3-метровой толщины, частично примыкающие к остаткам стен. Стратиграфия культурных напластований свидетельствует о возникновении здесь оседло-земледельческого поселения уже во II–III веках н.э. На заключительном этапе это поселение было превращено в хорошо укрепленный город, прекративший существование в период арабо-хазарских войн в VII–VIII вв. Следует отметить, что уже на ранних этапах существования поселения жизнь здесь неоднократно прерывалась в результате разливов рек. Поэтому можно предполо-

жить, что, возводя мощные стены, его обитатели уже на ранних этапах возлагали на них функции не только оборонительные, но и защитные от возможных разливов реки. Эти же функции, видимо, выполняли и оборонительные стены средневековой эпохи, сооруженные на остатках древних валов» [6, с. 32].

Упоминания о Кизляре в достоверных письменных источниках начинают встречаться со второй четверти XVII в. Именно тогда, как указывалось выше, велось активное торговое и дипломатическое сообщение Москвы с Закавказьем через Астрахань – Терки. И купцы, и дипломаты не могли миновать «Кизлярский перевоз» (именуемый также «Кизлярским караулом»). Из отчета Московского посольства в Имеретию мы узнаем, что осенью 1652 г. посольство, следуя вдоль левого берега, на второй день пути к вечеру пришло на Кизлярский перевоз и остановилось ночевать в «Кизлярском городке», а затем «из Кизлярского городка встали рано ночью по месяцу» и к вечеру того же дня посольство прибыло в Терки [13. Л. 73]. Здесь говорится о «городке», как обычно в русских документах того времени называются укрепленные русские поселения. Следующее упоминание о Кизляре относится к 1658 г.: «...Андрей Вельяминов Теймураза царя встретил со стрельцы за Терекон у города Кизляра...» [11, с. 237]. Это, пожалуй, и все известные на сегодняшний день упоминания о Кизляре.

Конечно, узнать, что представлял собой этот городок и где он находился, по письменным источникам установить трудно. Местный краевед начала XX в. Абдулгусейн Ибрагимов-Кизлярский утверждает в «Тархи Кизларкала» [17, с. 235], что на Терке существовало поселение под названием «Абсиях» или «Абсиякент». На русский язык это слово переводится как «черная вода», а по-кумыкски с тем же значением звучит «карасув». Кумык по национальности и член тезикского общества А. Ибрагимов приводит в своем труде эти ранние названия по материалам старинных источников.

Абсиякент, Карасув, Кизляркала – это названия одного и того же Кизлярского поселения, существовавшего, если верить материалам А. Ибрагимова, до строительства крепости и учреждения статуса города добрых 190 лет. Интересен тот факт, что первоначально это было одно из семи поселений так называемого вилайта Татархана – местного владетеля из рода крымских ханов. Большинство жителей были выходцами из Персии, России, Средней Азии и Дагестана. А. Ибрагимов-Кизлярский

в своем труде дает объяснение, каким образом распространенное вначале название *Абсиякент* (*кент* – «село») сменилось более популярным и ставшим известнее названием *Кизляркала* (*кала* – «крепость»). Дело в том, что в 1686 г. жители селения для защиты построили крепость с четырьмя минарами (башнями), где в первую очередь при нападениях непрошенных гостей прятали женщин и совершеннолетних девушек. А жители близких от Абсиякента казачьих станиц после того как была построена эта крепость, не называли его уже прежним названием, а нарекли Девичьей крепостью. На разных языках торговцев и путешественников селение стало называться Терским городком (но никак еще не городом и по малочисленности населения, и по своему незначительному статусу). У местных жителей название с тех пор прочно ассоциировалось с девушками поселения, которых славил народная молва за их красоту, на честь которых так часто покушались качаки – абреки – и которых как главную ценность прятали от вражеских глаз. Естественно, вполне закономерно распространилось новое название *Кызларкала*, затем *Кизляр* – более удобное для употребления. Следует отметить, что в сочинении А. Ибрагимова существуют анахронизмы и прямое несоответствие приводимых сведений с историческими фактами. Об этом очень подробно написал Г.М-Р. Оразаев [7, с. 7].

О происхождении названия *Кизляр* существует множество разных версий, преданий и легенд. Кроме легенды об известной Девичьей крепости, существует предание, которое гласит, что какой-то персидский шах, узнав об измене подданных, задумавших его свергнуть и возвести на престол его брата, пригласил заговорщиков к себе на пир. На пиру он приказал ослепить брата и всех его приверженцев, но ослепленный брат, горя мстью, бежал на Терек к своему кунаку, татарскому хану. Здесь он стал готовиться к походу на Персию с целью отомстить, но умер. С тех пор место это будто бы стало именоваться татарами *кюзляр*, т. е. «глаза». Следует отметить созвучие этой легенды с подлинным историческим фактом, имевшим место в биографии кровожадного Надир-шаха, который по навету ослепил собственного сына.

Существовала и другая, высказанная еще до революции, версия ученого К.Ф. Гана. По его мнению, название *Кизляр* произошло от тюркского *Кизил-яр* и означает следующее: *кизил* – «красный», *яр* – «обрыв (крутой берег реки)», т. е. красный яр (красный обрыв). Но сначала словом *Кизляр* называлась река. В на-

чале XVII в. этим термином стали именовать возникшие здесь перевоз и стрелецкий караул. От них уже это название перешло на селение, а затем и на город Кизляр. Следует упомянуть здесь версию, высказанную А.А. Шенниковым, связывавшим первое переселение казаков на Терек с рязанскими казаками из Червленого Яра, где-то между 1480–1490 гг. [15, с. 65].

Не принимая эту версию как абсолютно соответствующую действительности, но признавая ее право на существование, мы считаем небезынтересным тот факт, что в XVII в. в округе Астрахани существовали военные остроги Черный Яр и Красный Яр [3, с. 526] для охраны волжского пути в Хиву и Бухару. В Астраханское воеводство входил и Терский город, а затем и Кизляр.

Самой достоверной версией, с нашей точки зрения, следует считать мнение Г. Оразаева [10, с. 512], полагающего, что названием населенного пункта *Кизляр* является гидропоним *Кизляркала*, т. е. «крепость на Кизляре» или р. Кизлярке, которая впервые упомянута в русском документе, датированном 8 января 1605 г. [19, с. 67]. В 30-х годах XVII в. А. Олеарий сообщал, что эта река «именуется Кизляром, потому что в песке «...несет зернышки, блестящие как золото» [1, с. 431]. М.А. Казембек предлагал свою этимологию: «золотой берег» или «красная вода» (от тюркских слов *кизил* («красный, золотой») и *йар* («глубокая вода, берег реки»)) [12, с. 190].

Таким образом, следует заметить, что тот факт, что русские назвали новую, построенную в 1735 г. крепость на Тереке Кизлярской, говорит о многом и как нельзя лучше подтверждает существование здесь к тому времени населенного пункта, называвшегося Кизляром. Город сыграл особую интегрирующую роль в период Кавказской войны [8, с. 89].

В истории Северного Кавказа XVIII в. существует много подобных случаев, когда новопостроенные русскими крепости, остроги, редуты, станицы назывались по имени урочища или близлежащего аула. Можно предположить, что еще до XVIII в., когда крепость Кизляр и возникший при ней город стали центром экономической и политической деятельности России на Северном Кавказе, существовавший «городок Кизляр» сыграл значительную роль в судьбах целого ряда народов Кавказа, среди которых можно назвать казаков, ногайцев, кумыков, таджиков, армян, грузин, осетин, кабардинцев и т. д. Их сотрудничество в сферах торговли, многообразии традиций и вклад каждого этноса в развитие духовности

и культуры края подготовили почву для становления нового Кизляра как одного из интереснейших уголков Кавказа и России, имеющего свой неповторимый облик, обогатили историю многих народов, объединенных волей судьбы в единое государство.

Список литературы

1. Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию. М.: Русич, 2003.
2. Акташи М.А. Дербент-наме. Махачкала, 1992.
3. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом: материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел, 1578–1613. М.: Университетская тип., 1899. Т. 1.
4. Васильев Д.С. Очерки истории низовьев Терека (досоветский период). Махачкала, 1986.
5. Вестберг Ф. К анализу восточных источников о Восточной Европе // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1908. Ч. 14. Отд. 2.
6. Гарунова Н.Н. Описание кордонных постов, станиц и крепостей кавказской линии укреплений по неопубликованной рукописи И.Ф. Бларамберга (первая половина XIX в.) // Вестн. Дагест. гос. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 32–38.
7. Голованова С.А. Ранние страницы русско-кавказских связей на берегах Терека // К истории Низовьев Терека XIII–XIX веков: Исторические чтения, посвященные 30-летию Кизлярского краеведческого музея им. П.И. Багратиона. Кизляр, 1991.
8. Матвеев В.А. Кавказская война: дискуссионные аспекты и реалии эпохи: моногр. Ростов н/Д. – Таганрог, 2017.
9. Описание путешествия в Московию / пер. с нем. А.М. Ловягина. Смоленск: Русич, 2003.
10. Оразаев Г.М.-Р. Комментарий к «Тарихи Кызларкала» // Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М.: Наука, 1993.
11. Потто В.А. Два века терского казачества – 1557–1801 гг.: в 2 т. Владикавказ, 1912. Т. 1.
12. Путилов Б.И. Исторические песни на Тереке. Грозный, 1948.
13. Российский государственный архив древних актов. Ф. 110. Оп 1. Кн. 9.
14. Русско-дагестанские отношения XVII – I четверти XVIII в.: доклады и материалы / сост. Р.Г. Маршаев. Махачкала: Книгоиздат, 1958.
15. Тюркоязычная деловая переписка на Северном Кавказе XVII–XIX вв. Исследование, тексты и комментарии / под ред. Г.М. Оразаева; Ин-т истории, археологии и этнографии Дагест. НИЦ РАН. Махачкала, 2007.
16. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 379. Оп. 1.
17. Шенников А.А. Червленый Яр. Л., 1987.
18. Шидловский Ю. Записки о Кизляре // Журнал министерства внутренних дел. 1843. Ч. 4. С. 180–181.
19. Derbend-Nameh or the History of Derbend, translated from a select turkish version and published with the text and with notes / Mirza A. Kasem-Beg, SPb., 1851.

* * *

1. Adam Olearij. Opisanie puteshestvija v Moskoviju. M.: Rusich, 2003.
2. Aktashi M.A. Derbent-name. Mahachkala, 1992.
3. Belokurov S.A. Snoshenija Rossii s Kavkazom: materialy, izvlechennye iz Moskovskogo glavnogo arhiva Ministerstva inostrannyh del, 1578–1613. M.: Universitetskaja tip., 1899. T. 1.
4. Vasil'ev D.S. Ocherki istorii nizov'ev Tereka (dosovetskij period). Mahachkala, 1986.
5. Vestberg F. K analizu vostochnyh istochnikov o Vostochnoj Evrope // Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshhenija. 1908. Ch. 14. Otd. 2.
6. Garunova N.N. Opisanie kordonnyh postov, stanic i krepostej kavkazskoj linii ukreplenij po nepublikovannoj rukopisi I.F. Blaramberga (pervaja polovina XIX v.) // Vestn. Dagest. gos. un-ta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki. 2015. № 4. S. 32–38.
7. Golovanova S.A. Rannie stranicy russko-kavkazskih svjazej na beregah Tereka // K istorii Nizov'ev Tereka XIII–XIX vekov: Istoricheskie chtenija, posvjashhennye 30-letiju Kizljarskogo kraevedcheskogo muzeja im. P.I. Bagrationa. Kizljar, 1991.
8. Matveev V.A. Kavkazskaja vojna: diskussionnye aspekty i realii jepohi: monogr. Rostov n/D. – Taganrog, 2017.
9. Opisanie puteshestvija v Moskoviju / per. s nem. A.M. Lovjagina. Smolensk: Rusich, 2003.
10. Orazaev G.M.-R. Kommentarii k «Tarihi Kyzlarkala» // Shihsaidov A.R., Ajtberov T.M., Orazaev G.M.-R. Dagestanskije istoricheskie sochinenija. M.: Nauka, 1993.
11. Potto V.A. Dva veka terskogo kazachestva – 1557–1801 gg.: v 2 t. Vladikavkaz, 1912. T. 1.
12. Putilov B.I. Istoricheskie pesni na Tereke. Groznyj, 1948.
13. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov. F. 110. Op 1. Kn. 9.
14. Russko-dagestanskije otnoshenija XVII – I chetverti XVIII v.: doklady i materialy / sost. R.G. Marshaev. Mahachkala: Knigoizdat, 1958.
15. Tjurkojazychnaja delovaja perepiska na Severnom Kavkaze XVII–XIX vv. Issledovanie, teksty i kommentarii / pod red. G.M. Orazaeva; In-t istorii, arheologii i jetnografii Dagest. NC RAN. Mahachkala, 2007.
16. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Dagestan. F. 379. Op. 1.
17. Shennikov A.A. Chervlennyj Jar. L., 1987.
18. Shidlovskij Ju. Zapiski o Kizljare // Zhurnal ministerstva vnutrennih del. 1843. Ch. 4. S. 180–181.

*To the issue of the date
of foundation of the Kizlyar fortress
in the XVIII century*

Based on the new archival data, the article deals with the history of the Kizlyar fortress in the XVIII century, analyzes the facts allowing the supposition that as the place for fortress construction chosen by General V.Y. Levashov there was a tract where there used to be an old fortress. There are some versions concerning the first residents of old Kizlyar. The origin of the name "Kizlyar" and various versions and legends are under consideration in the article.

Key words: *fortress, Levashov, Kizlyar, river, Cosacks, transportation, town.*

(Статья поступила в редакцию 09.02.2018)

К.А. ПАВЛОВ
(Анапа)

**ОХРАНА ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ГРАНИЦЫ НА ЧЕРНОМОРСКОМ
ПОБЕРЕЖЬЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
ПОСЛЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ
И ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ
ПОГРАНИЧНОЙ СТРАЖИ**

После Крымской войны на Черноморском побережье Северного Кавказа была восстановлена кордонная стража, которая осуществляла охрану морской и сухопутной государственной границы. На протяжении всей второй половины XIX в. Россия принимала всевозможные меры по усилению охраны государственной границы на Черноморском побережье, однако этого было недостаточно, в результате чего был поднят вопрос об устройстве на Кавказе военизированной пограничной стражи.

Ключевые слова: *Черноморское побережье Северного Кавказа, контрабанда, карантинно-таможенный округ, пограничная стража, казаки, государственная граница.*

Снятая с началом Крымской войны кордонная стража, располагавшаяся по Черноморскому побережью и сухопутной границе с Турцией, была восстановлена после окончания войны – в 1856 г. [11, с. 200]. В 1857 г. был из-

дан Таможенный устав по азиатской торговле, согласно которому в Закавказье создавались Закавказский и Сухум-Кальский карантинно-таможенные округа, в свою очередь разделившиеся на дистанции. Каждой дистанцией управляло карантинно-таможенное правление, которому подчинялись все заставы и посты, находящиеся на его дистанции.

В Закавказье кордонная стража в отношении исполнения карантинно-таможенных обязанностей подчинялась карантинно-таможенному начальству. Кордонная линия разделилась на Редут-Кальскую, Александропольскую, Нахичеванскую и Бакинскую дистанции, непосредственное управление которыми возлагалось на казачьих полковых командиров. Кордонная стража подчинялась карантинно-таможенному начальству; вместе с тем Редут-Кальское карантинно-таможенное правление и Николаевская застава обязаны были выполнять требования начальника Черноморской береговой линии. Объездчики комплектовались из регулярных войск Закавказского края, оставших солдат и местных жителей. Численность набираемых объездчиков и стражников была такова, чтобы на каждом посту находилось по одному или по два человека, а в некоторых и более [9, с. 419–420, 423, 428].

Сложность этой системы управления, а также упразднение в 1859 г. Черноморской береговой линии [7, с. 379] в Закавказском крае потребовали внесения изменений в систему охраны побережья, и в 1861 г. было издано Положение об устройстве и управлении карантинно-таможенной части на Кавказе и за Кавказом, согласно которому из состава Закавказского карантинно-таможенного округа и Абхазской дистанции Сухум-Кальского карантинно-таможенного округа были созданы три карантинно-таможенных округа: Кутаисский, Эриванский и Бакинский. Кроме того, из Черкесской дистанции Сухум-Кальского округа, Бугазского менового двора, Таманской карантинной заставы и таможни, Темрюкской заставы был образован Кубанский карантинно-таможенный округ. Кубанский карантинно-таможенный округ разделялся на Азовскую и Черноморскую дистанции [6].

В августе 1865 г., после окончания Кавказской войны и «водворения спокойствия» на Черноморском побережье Кавказа, иностранным торговым судам разрешено было посещать его, но только те его пункты, где имелись карантинно-таможенные учреждения [4]. Од-